

Трехмачтовый парусник «Пресвятая Дева ветров» вышел из Гавра 3 мая 1882 года в плавание по китайским морям и 8 августа 1886 года, после четырехлетнего странствования, вошел в марсельский порт. Сдав свой первый груз в китайском порту, в который он направлялся, корабль тотчас же получил другой фрахт — на Буэнос-Айрес, а оттуда пошел с товарами в Бразилию.

Новые рейсы, аварии, починки, многомесячные штили, шквалы, сбивающие с курса, — словом, все случайности, приключения и несчастья, какие бывают на море, удерживали вдали от родины этот нормандский трехмачтовик, возвращавшийся теперь в Марсель с трюмом, набитым американскими консервами в жестяных банках.

При отплытии на борту корабля, кроме капитана и его помощника, было четырнадцать матросов — восемь нормандцев и шесть бретонцев. Когда он вернулся, на нем оставалось только пять бретонцев и четыре нормандца; один бретонец умер в пути, а четырех нормандцев, исчезнувших при различных обстоятельствах, заменили два американца, негр и норвежец, завербованный однажды вечером в каком-то сингапурском кабаке.

Большой корабль с подобранными парусами и скрещенными на мачтах реями тащился за марсельским буксиром, который, пыхтя, плыл перед ним по легкой зыби, мало-помалу замиравшей в тиши безветрия; он миновал Ифский замок, проплыл между серыми скалами рейда, окутанными золотистой дымкой заката, и вошел в старый порт, где теснятся бок о бок вдоль набережных суда всех стран, всякой формы и оснастки, образуя какое-то месиво из кораблей в этом тесном бассейне, полном протухшей воды, где их корпуса толкаются, трутся друг о друга и точно маринуются в корабельном соку.

«Пресвятая Дева ветров» заняла место между итальянским бригом и английской шхуной, расступившимися, чтобы пропустить нового товарища. Когда таможенные и портовые формальности были выполнены, капитан разрешил большей части команды провести вечер на берегу.

Наступили сумерки. Марсель загорался огнями. В жарком воздухе летнего вечера над шумным городом, полным крика, грохота, шелканья бичей, южного веселья, носился запах яств, приправленных чесноком.

Едва очутившись на берегу, десять матросов, которых столько месяцев носило на своих волнах море, потихоньку двинулись в путь, с нерешительностью людей, вырванных из привычной обстановки, отвыкших от города. Они шли парами, точно процессия, раскачиваясь на ходу, знакомились с местностью и жадно вглядывались в переулки, ведущие к гавани, — их томил любовный голод, назревший за последние два месяца плавания.

Впереди шествовали нормандцы под предводительством Селестена Дюкло, рослого парня, сильного и сметливого, который всякий раз, как они сходили на берег, был у них вожаком. Он умел находить значные места, пускался на ловкие проделки и не любил ввязываться в драки, которые так часто происходят между матросами в портах. Но если его впутывали в драку, никто не был ему страшен.

Побродив в нерешительности по темным улицам, которые спускаются к морю, как сточные трубы, пропитанные тяжелым запахом — дыханьем притонов, Селестен выбрал какой-то извилистый переулок, где горели над дверями домов выпуклые фонари с огромными номерами на матовых цветных стеклах. Под узкими арками входных дверей сидели на стульях женщины в фартуках, похожие на служанок; завидя приближающихся матросов, они поднимались с места, делали несколько шагов к сточной канавке, разделявшей улицу пополам, и загораживали дорогу веренице мужчин, которые подвигались медленно, напевая и посмеиваясь, уже разгоряченные близостью этих притонов-тюрем.

Иногда в глубине сеней за неожиданно распахнувшейся дверью, обитой коричневой кожей, показывалась толстая полураздетая женщина; ее плотные ляжки и жирные икры резко обрисовывались под грубым белым бумажным трико; короткая юбка походила на пышный пояс. Дряблая грудь, руки и плечи розовым пятном выступали из черного бархатного лифа, обшитого золотой тесьмой. Она зазывала издали: «Пожалуйте сюда, красавчики!», а иногда выбегала сама и, уцепившись за кого-нибудь из матросов, изо всей силы тянула его к двери, впивалась в него, как паук, когда он тащит муху более крупную, чем он сам. Мужчина, возбужденный ее близостью, слабо сопротивлялся, а его товарищи останавливались и смотрели, колеблясь между соблазном сейчас же войти и желанием продлить эту волнующую прогулку. Но когда женщине после отчаянных усилий удавалось дотащить матроса до порога своего жилища, куда собиралась ввалиться следом за ним вся компания, Селестен Дюкло, знавший толк в таких домах, кричал внезапно:

— Не заходи туда, Маршан, это не то, что надо!

Тогда матрос, повинувшись его голосу, вырывался резким движением, и друзья снова уходили гурьбой, а им вслед неслись непристойные ругательства взбешенной девки, меж тем как из всех дверей переулка навстречу матросам выходили, привлеченные шумом, другие женщины и оглашали воздух хриплыми многообещающими призывами.

Матросы продолжали свой путь, все более и более воспламеняясь от уговоров и соблазнов этого хора привратниц любви, встречавших их по всей улице, и грязных проклятий другого хора, оставшегося позади, — хора обиженных женщин, которыми они пренебрегли. Время от времени им навстречу попадалась такая же компания — солдаты, которые шагали, позвякивая оружием, матросы с других кораблей или же бредущие в одиночку горожане, приказчики. Перед ними открывались все новые и новые улицы — узкие, освещенные мерцанием подозрительных фонарей. Они долго шли в этом лабиринте притонов по липкой мостовой, где струились зловонные ручейки, между стенами домов, полных женского тела.

Решившись, наконец, Дюкло остановился перед одним домом, довольно приличным на вид, и вошел туда со всей компанией.

Погуляли на славу! Четыре часа подряд матросы упивались любовью и вином. От полугодного жалованья ничего не осталось.

Они расположились в большой зале, как хозяева, и недружелюбно поглядывали на обычных посетителей заведения, которые устраивались за столиками по углам, где какая-нибудь из незанятых девиц, одетая маленькой девочкой или кафешантанной певичкой, им прислуживала и подсаживалась к ним.

Каждый матрос, как только вошел, выбрал себе подругу, с которой не расставался весь вечер — простой человек не ищет перемен. Сдвинули три стола, и после первых стаканов удвоившаяся в числе процессия, к которой прибавилось столько женщин, сколько было молодцов, потянулась по лестнице. Ноги каждой четы долго стучали по деревянным ступенькам, пока узкие двери комнат не проглотили это длинное шествие любовных пар. Потом все снова спустились в зал, чтобы выпить, потом опять поднялись, потом еще раз спустились.

Почти совсем пьяные, матросы горланили вовсю. Глаза у них налились кровью, они держали на коленях своих избранниц, пели, кричали, били кулаками по столу и лили себе в глотку вино, дав волю таящемуся в человеке зверю. Селестен Дюкло, в кругу шумных товарищей, обнимал рослую краснощекущую девушку, усевшуюся верхом на его колене, и жадно смотрел на нее. Менее охмелевший, чем остальные, хоть он и выпил не меньше других, Селестен сохранил способность думать и, разнежившись, хотел поговорить. Но мысли не вполне повиновались ему, ускользали, возвращались и снова исчезали, и он не мог как следует вспомнить, что именно собирался сказать.

Он смеялся и повторял:

— Так, так... Ты давно здесь?

— Полгода, — ответила женщина.

Он кивнул головой, словно это служило доказательством ее хорошего поведения, и продолжал:

— Тебе нравится такая жизнь?

Она немного замялась и сказала кротко:

— Ко всему привыкаешь. Это ремесло — не хуже другого. Служанка ли, шлюха ли — все одно.

Он, видимо, был согласен и с этой истиной.

— Ты не здешняя? — спросил он.

Не отвечая, она отрицательно покачала головой.

— Издалека?

Она кивнула также безмолвно.

— Откуда же ты?

Она подумала, точно припоминая, потом прошептала:

— Из Перпиньяна.

Матрос снова обрадовался и сказал:

— Вот как!

Теперь она спросила его:

— А ты, что же, моряк?

— Да, красotka.

— Приехал издалека?

— Да. Немало я повидал стран, и портов, и всякой всячины.

— Ты, может, объехал кругом света?

— Еще бы! Да и не один раз.

Она снова задумалась, как будто стараясь отыскать в памяти что-то давно забытое, потом спросила уже другим, более серьезным тоном:

— Ты много встречал кораблей, пока плавал?

— Еще бы, красавица!

— А не попадалась тебе «Пресвятая Дева ветров»?

Он ухмыльнулся:

— Как же! На прошлой неделе видел ее.

Она побледнела, вся кровь отхлынула от ее щек.

— Правда? Это правда? — спросила она.

— Истинная правда.

— Ты не врешь?

Он поднял руку:

— Как перед богом.

— А ты не знаешь, плавает ли еще на ней Селестен Дюкло?

Он удивился и встревожился. Прежде чем ответить, он хотел выведать, что за этим скрывается.

— Ты его знаешь?

Теперь насторожилась она.

— Нет, тут одна женщина его знает.

— Из этого дома?

— Нет, из другого.

— На этой улице?

— Нет, тут рядом.

— Какая женщина?

— Да женщина... такая, как я.

— Что же ей от него надо?

— А я почему знаю? Верно, землячка.

Они пристально, испытующе посмотрели друг на друга, смутно угадывая, что между ними сейчас встанет что-то страшное.

— А мне нельзя повидать эту женщину? — спросил матрос.

— А что ты ей скажешь?

— Я скажу... скажу, что видел Селестена Дюкло.

— Что он — здоров?

— Не хуже нас с тобой. Он крепкий парень.

Она снова замолчала, собираясь с мыслями, потом медленно произнесла:

— А куда она шла, «Пресвятая Дева ветров»?

— Да сюда, в Марсель.

Она невольно вздрогнула:

— Правда?

— Правда.

— А ты знаешь Дюкло?

— Да, знаю.

Она снова подумала, потом тихо сказала:

— Так... так...

— А на что он тебе?

— Послушай, скажи ему... Нет, ничего.

Он продолжал на нее смотреть, все более и более смущаясь. Наконец он решил узнать все:

— А ты тоже его знаешь?

— Нет, — ответила она.

— Так на что же он тебе?

Внезапно решившись, она вскочила, подбежала к стойке, за которой восседала хозяйка, схватила лимон, разрешила его и выжала сок в стакан. Потом долила стакан водой и подала его матросу.

— На, выпей.

— Зачем?

— Чтобы прошел хмель. Потом я тебе что-то скажу.

Он покорно выпил, отер губы рукой и объявил:

— Готово! Слушаю!

— Обещай не рассказывать ему, что ты меня видел, и не говорить, от кого ты узнал все, что я тебе скажу. Поклянись!

Он поднял руку и усмехнулся загадочно:

— В этом-то клянусь.

— Ей-богу?

— Ей-богу.

— Ну, так скажи ему, что его отец умер, и мать умерла, и брат тоже — все трое в один месяц, от тифа, три с половиной года назад, в январе тысяча восемьсот восемьдесят третьего года.

Теперь он в свой черед почувствовал, как все в нем оборвалось. Он был так поражен, что сначала не знал, что сказать, но потом усомнился и спросил:

— Ты наверно знаешь?

— Наверно.

— Кто тебе сказал?

Она положила руки ему на плечи и сказала, смотря ему прямо в глаза:

— Ты не будешь болтать? Поклянись.

— Клянусь.

— Я его сестра.

Невольно у него вырвалось ее имя:

— Франсуаза!

Она снова пристально посмотрела на него, потом в безумном страхе, вне себя от ужаса, чуть слышно, почти не разжимая губ, прошептала:

— О-ох!.. Это ты, Селестен?

Они замерли, глядя друг другу в глаза. Вокруг них товарищи Селестена продолжали орать. Звон стаканов, пристукивание кулаками и ногами в такт напева и пронзительные взвизгивания женщин сливались с нестройным пением.

Он чувствовал ее возле себя, она прижалась к нему, теплая, испуганная, — его сестра. Тихо, боясь, чтобы его не подслушали, так тихо, что даже она едва его услышала, он сказал:

— Ух! И натворил же я дел!

Ее глаза мгновенно наполнились слезами, и она пробормотала:

— Разве я виновата?

Внезапно он спросил:

— Так, значит, они умерли?

— Умерли.

— Отец, и мать, и брат?

— Все трое в один месяц, я тебе сказала. Я была одна, у меня ничего не осталось, кроме тряпок, — ведь я и в аптеку и доктору задолжала, а чтобы похоронить трех покойников, мне пришлось продать домашние вещи. Тогда я пошла в услужение к господину Каше, — помнишь, к тому, хромоту? Мне как раз исполнилось пятнадцать лет, ведь когда ты уехал, мне и четырнадцати не было. Я с ним согрешила. Все мы дуры, пока молоды. Потом я пошла в горничные к нотариусу, он меня тоже соблазнил и нанял мне комнату в Гавре. Скоро он перестал приходить. Я три дня сидела не евши, работы никакой не было, тогда я поступила в такой дом, ведь я не первая. Я тоже много перевидала мест, да каких скверных мест: Руан, Эвре, Лилль, Бордо, Перпиньян, Ниццу, и вот теперь я в Марселе.

Слезы капали у нее из глаз, из носа, обливали ей щеки, стекали в рот. Она проговорила:

— Я думала, ты тоже умер, Селестен, бедняга мой!

Он сказал:

— Я-то мог тебя не узнать. Ты была тогда такая маленькая, а теперь — вон какая здоровая! Но ты-то как меня не узнала?

Она с отчаяньем махнула рукой:

— Я столько мужчин вижу, что они для меня все на одно лицо.

Он продолжал смотреть ей в глаза, охваченный смутным волненьем, таким сильным, что ему хотелось кричать, как ребенку, которого бьют. Он по-прежнему обнимал девушку, сидевшую верхом у него на колене, и держал ее за плечи. Все пристальнее в нее вглядываясь, он, наконец, узнал ее — свою сестренку, которую он оставил на родине со всеми, кого ей пришлось похоронить, пока он носился по морям.

Вдруг, обхватив своими большими матросскими лапами голову вновь найденной сестры, он начал целовать ее, как целуют только родную плоть. Потом рыданья, тяжелые рыданья мужчины, медлительные, как морские валы, похожие на пьяную икоту, вырвались из его груди. Он всхлипывал:

— Это ты, ты, Франсуаза, маленькая ты моя!

Внезапно он встал, ударил кулаком по столу так, что стаканы опрокинулись, разбились вдребезги, и начал ругаться громовым голосом. Потом он сделал несколько шагов, зашатался, вытянул руки и упал вниз лицом. Он стал кататься по полу, биться руками и ногами, издавая стоны, похожие на хрип умирающего.

Товарищи смотрели на него и хохотали.

— Вот здорово налился! — сказал один из них.

— Надо его уложить, — сказал другой. — Если он выйдет на улицу, его засадят.

Так как у него в карманах были деньги, хозяйка предложила кровать, и товарищи, сами до того пьяные, что едва держались на ногах, втащили его по узкой лестнице в комнату женщины, которая только что его принимала. Она просидела до самого утра на стуле возле преступного ложа, плача так же горько, как он.

Примечания

Напечатано в «Эко де Пари» 15 марта 1889 года. По указанию Шарля Лапьера, тему этой новеллы Мопассан получил от Робера Пенсона (A. Lumbroso, p. 611). Новелла эта пользовалась особенной любовью Льва Толстого, публиковавшего ее в дешевых изданиях «Посредника» под заглавием «Франсуаза»; перевод новеллы был подвергнут Толстым небольшим изменениям и сокращениям.